

ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНЫ ПРАВИЛА, ОБЩИЕ ДЛЯ ВСЕХ?

*ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В ПРОСТРАНСТВЕ КЛАССА*

Любой школьный класс, любой коллектив – это особое целое, особое существо, в чем-то подобное отдельному человеку: со своим характером, индивидуальностью. И суть этого удивительного организма – коллектива – не выводима из качеств, характеров, способностей тех, кто его составляет. Он возникает и формируется по каким-то своим имманентным законам и, возникнув, начинает влиять на тех, кто входит в него.

...И вот наш класс стал меняться. Исчезли галдёж, расхлябанность, кривлянье, выкрики с места, назойливость, попытки навязать себя за счёт других. Я видел глаза, смотревшие на меня с доверием и интересом. Казавшиеся нагловатыми теперь выглядели скромными и почтительными; робкие чуть раскрепостились, уже не так робеют.

Почему так? Во-первых, я внушил им уважение к самим себе: своим тоном, манерой общения с ними.

Но не только в этом дело. Есть и другие причины их преобразования.

Вот идёт урок. Кто-то поднимает руку, просит разрешения выйти. Я останавливаюсь: «А, собственно, зачем ты меня спрашиваешь? Я не имею права не разрешать». Они удивились, заспорили. Но я стою на своем: «Я не могу знать, когда кому нужно или не нужно выйти:

Вадим Слуцкий,

педагог, г.Петрозаводск, Карелия

Там, где не соблюдаются обязательные для всех правила, законы, неизбежно царствует произвол. И тут уж каждый, кто повыше чином, сам себе и законодатель, и судья, и палач. А самый маленький «чин» в школе – у ребёнка. И получается: законов никаких нет, правил нет – хочешь, чтобы у тебя было всё в порядке, – сумей угодить тому, от кого это зависит. Идеальная кузница рабов. А ведь мы хотим, чтобы наши дети выросли свободными людьми.

вы уж, пожалуйста, это решайте сами. Только не выходите по двое, по трое, и тогда, когда кто-то уже вышел». Андрей поразился:

– Что, и спрашивать не нужно?

– Ну, конечно, не нужно.

Так мы положили начало очень важному демократическому институту в нашем классе. Теперь у нас любая мелочь регулируется особым правилом, иногда довольно замысловатым.

Правила мы устанавливаем вместе и вместе следим за их соблюдением. Для этого даже выделены особые люди: Шериф и Помощник Шерифа – Андрей Примеров и Ира Мамина. Хотя нарушения редки. Чаще забываю соблюдать правила я, а не дети. Например, я забыл спросить Лену, хотя она поднимала руку. Это нарушение одного из наших правил: если кто-то хочет что-то сказать, его нельзя не спросить и нужно выслушать до конца, хотя ораторам и предписывается говорить коротко и ясно.

Андрей всё никак не мог свыкнуться с тем, что можно входить и выходить без разрешения учителя, продолжал поднимать руку и спрашивать: «Можно выйти?» – чем вызывал в классе веселье. «А можно мы вас лучше будем спрашивать?» – хитро-заискивающе осведомлялся наш будущий Шериф. Ему легче, когда не он несёт ответственность, когда решает учитель. Но если позволить ему это, он так навсегда и останется зависимым и слабым.

Конечно, первое время они выходили косяком: осваивали новый способ действия. Выходили и те, кому и не нужно было. Тогда были введены коррективы: за последствия (не знал, не сделал, не написал) отвечаешь сам!

Получилось: самостоятельность и ответственность вместо несамостоятельности и безответственности.

Приятно было наблюдать месяца через 3–4, как они входили и выходили из класса: так независимо, с таким достоинством! Ничего подобного в начале года невозможно было себе представить.

Все наши правила имеют определённый смысл, и он всем понятен. Почему, например, нельзя не дать высказаться ученику на уроке? Мало ли кто что хочет сказать: может, глупость какую-то? Да, была довольно острая дискуссия, когда принималось это правило. Но мы решили, что дело не в этом: человека нужно выслушать просто из уважения к нему.

Мысль эту высказала Ксюша. О Ксюше я ничего не рассказал, а напрасно: она человек замечательный. Ксюша тоненькая, умненькая, в очках, похожая на курсистку 80-х годов XIX века. Она ужасная энтузиастка и, если ей хочется что-то сказать, трясёт рукой возле самого моего носа (сидит за первой партой среднего ряда) и даже постанывает от нетерпения. Высказывается она длинными сложными периодами, звонким голосом;

о мужчинах говорит, что они «вышли замуж», а о женщинах, что «женнились», и никак не может запомнить, как правильно. Ксюша любит музыку, книги, умна чрезвычайно, но я не уверен, знает ли она, что булки не на деревьях растут. Одно слово – русская интеллигентка!

Вот Ксюша-то и сказала: «Вы понимаете, когда я хочу что-то сказать, ну просто... ну просто! Ну просто я лопну, взорвусь, как перегретый паровой котел, если не скажу! Вот!» И все с ней согласились.

И я согласен с Ксюшей. Человеку нужно, чтобы его выслушали и постарались понять. И это важнее всего. А умно или глупо говорится, менее важно. Учитель скажет умнее, но станет ли от этого умнее ученик? А если он знает: его обязательно выслушают, серьёзно, уважительно – как будет он стараться говорить и умно, и содержательно!

И, кстати, откровенных глупостей я наслушался от взрослых гораздо больше, чем от детей.

Почему так важны правила?

Однажды в учительской я наблюдал такую сценку. За столом, друг против друга, сидели пожилая учительница, величественная

и строгая, и ученица, девушка лет 15-ти, милая, с умным лицом, но какая-то поникшая, приниженная. Учительница нажимным тоном читала ей нотацию: что-то девочка не сдала, и вот теперь, в конце четверти, пришла отвечать. Так продолжалось минут 15, но мне казалось – бесконечно. Рабы всю жизнь унижаются, и потому им приятно унижать других. Наконец, учительница убедилась, что достаточно унизила свою ученицу, и милостиво отпустила её, приказав явиться отвечать завтра в 9.00 и не ответив на её робкое «до свиданья».

Всё дело в том, что там, где не соблюдаются обязательные для всех правила, законы, неизбежно царствует произвол. И тут уж каждый, кто повыше чином, сам себе и законодатель, и судья, и палач. А самый маленький «чин» в школе – у ребёнка.

И получается: законов никаких нет, правил нет – хочешь, чтобы у тебя было всё в порядке, – сумей угодить тому, от кого это зависит. Идеальная кузница рабов.

А я хочу, чтобы мои дети выросли свободными людьми.

